

Ю. Л. Жмодиков, А. Г. Румянцев (Санкт-Петербург)

ИСТОРИЯ ЗНАМЕНИ ОПОЛЧЕНИЯ С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ 1812 ГОДА

В КОЛЛЕКЦИИ Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи хранится копия знамени С.-Петербургского ополчения 1812 г. Подлинное знамя не сохранилось, но в начале XX в. оно еще существовало – первый историк Петербургского ополчения А. Миронов по большому счету возвратил это знамя из небытия и опубликовал очерк, в котором осветил некоторые страницы его истории¹.

Первоначально для ополчения Петербургской губернии предполагалось сделать много знамен. 19 июля (по ст. ст.) 1812 г. М. И. Кутузов, тогда начальник Петербургского ополчения, известил Александра I о своем «предположении» дать в каждую дружину ополчения (отряд в 600–700 чел.) по два знамени, «под коими бы новопоступающие воины приводились к присяге». В этом обращении давалось и описание будущих знамен: белые с красным крестом и надписью «Сим знаменем победиши», а также сообщалось, что «оные знамена уже делаются»². Но в конечном счете ополчение получило только одно знамя. И дело, очевидно, было не столько в том, что не успели сделать 30 знамен (ополчение состояло из 15 дружин), а, скорее всего, в том, что идея приведения ополченцев к присяге не могла быть одобрена императором. Согласно императорским манифестам о сборе ополчений в 1812 г. помещичьи крестьяне, из которых формировалось ополчение, или, как его тогда нередко именовали, «земское войско», сохраняли свой статус крепостных и по роспуске ополчения возвращались в свое «первобытное состояние», т. е. к своим помещикам. Это было основным отличием ополченцев от рекрутов – таких же крепостных, но поступавших в регулярную армию: последние становились лично свободными людьми.

И приведение воинов ополчения к присяге подобно солдатам-новобранцам противоречило социальному статусу первых как несвободной категории населения³.

Однако имеется несколько свидетельств того, что ополченцы-крестьяне в той или иной форме все-таки присягали. Одно из них содержится в рапорте А. А. Бибикова (тогда командира 1-го отряда Петербургского ополчения) начальнику 2-го округа ополчения П. И. Меллеру-Закомельскому от 14 сентября 1812 г. о трудностях, с которыми столкнулся его, Бибикова, отряд при следовании на театр военных действий, в том числе и о многочисленных побегах воинов: «в отвращение онаго, – сообщает Бибиков, – пойманному из числа бежавших я велел, пред воинами наказав, выбрить лоб и сказать ему, что за нарушение присяги его преступления [sic] останется навсегда салдатом»⁴. Другое свидетельство – один из «анекдотов», приводимых В. И. Штейнгейлем, первым историком С.-Петербургского ополчения, а в 1812 г. офицером 13-й дружины: «После присяги, один из почтенных Штаб-офицеров 13 дружины говорил воинам, что, присягнув теперь пред Богом умереть за веру и Царя, не должен уже никто пятиться назад...»⁵. И наконец, в дневниковых записях С. Н. Корсакова, офицера 5-й дружины, имеется такая фраза: «4 сентября по утру на Семеновском плац-параде приведены были дружины 2-го отряда к присяге»⁶.

Есть все основания предполагать, что присягу давали ратники 1-й дружины, составленной из мещан и ремесленников Петербурга и других городов губернии, т. е. из лично свободных людей. И, несомненно, присягали офицеры ополчения – сохранились «присяжные листы» (текст присяги с личными подписями) нескольких дружин⁷.

31 августа (по ст. ст.) состоялась церемония прибития знамени к древку, в которой участвовали все офицеры ополчения и по несколько урядников и воинов от каждой из 15 дружин. А на следующий день, 1 (13 по нов. ст.) сентября, – его освящение. Литургия проходила перед Исаакиевским собором. Затем знамя, по свидетельству Корсакова, пронесли вдоль строя ополчения, стоявшего «в две линии около Исакиевской площади», и «оное было поручено 1-ой дружине»⁸.

Поскольку 1-я дружина вошла в состав 1-го отряда ополчения, выступившего из Петербурга 3 (15) сентября, знамя сначала находилось при этом отряде, но где именно – в 1-й дружине или

у А. А. Бибикова – неизвестно. Известно только, что 10 (по ст. ст.) сентября Бибиков произносил перед ополчением речь, призванную поддержать боевой дух его войска, «при распущенных знаменах» ополчения и Воронежского пехотного полка, входившего в состав его отряда⁹.

Каких-либо сведений о том, что знамя развевалось на полях сражений, в которых участвовала «Петербургская военная сила» в 1812 г. (а таких сражений было по крайней мере четыре), не имеется. Очевидно, одной из причин того, что знамя фактически не использовалось как строевой и моральный «инструмент», подобно знаменам регулярных войск, было то обстоятельство, что по прибытии на театр военных действий Петербургское ополчение фактически потеряло свое организационное единство: дружины были по одной распределены между пехотными полками регулярных войск и вместе с этими «своими» полками совершали все переходы и участвовали в боях.

В марте 1813 г. Петербургское ополчение прибыло под Данциг (совр. польский Гданьск) и вошло в состав корпуса, осаждавшего эту крепость. Знамя, как можно заключить из текста документа от 29 мая, было при нем: в этот день В. В. Адодуров, возглавлявший Петербургское ополчение вместо оставшегося «по болезни» в Кенигсберге Бибикова, рапортует последнему, что 24 мая знамя было перенесено в главную квартиру командующего осадным корпусом принца Александра Вюртембергского¹⁰.

В следующий раз знамя Петербургского ополчения фигурирует в документах только в июле 1813 г. За девять предшествующих месяцев участия в боевых действиях ополчение понесло большие потери убитыми, ранеными, заболевшими, отставшими, а также бежавшими. Поэтому в июле 1813 г. оно было переформировано в пять сводных дружин, и та сводная дружина, в которую поступили ратники бывшей 1-й дружины (т. е. петербургские мещане и ремесленники), получила номер 3-й, чтобы, как значится в соответствующем приказе по ополчению, «вверенное государем императором вошедшей в состав оной [т. е. 3-й сводной дружины] мещанской дружины знамя [sic!] находилось в середине ополчения [т. е. в середине общего строя всех пяти сводных дружин]»¹¹. В такой формулировке этого пункта приказа обращает на себя внимание следующее обстоятельство: знамя всего Петербургского ополчения воспринималось порой как знамя только 1-й, «мещанской» дружины.

А 8(20) августа 1813 г. состоялось официальное вступление В. В. Адодурова в должность начальника Петербургского ополчения. Для этой торжественной церемонии «ополчение собрано было в каре пред биваками, и после молебствия о поспешствовании оружию нашему во время предстоящей брани, сенатор Бибииков со знаменем в руке произнес к войскам отеческими чувствами исполненное прощальное приветствие и вручил знамя генерал-майору Ададурову...»¹².

Теперь знамя хранилось в канцелярии Адодурова. Судя по всему, за весь период с осени 1812 г. у ополчения так и не было официального знаменосца. И только в январе 1814 г., когда после капитуляции Данцига (ноябрь 1813 г.) Петербургское ополчение перешло на кантонир-квартиры и стало готовиться к обратному походу, к знамени, пока остававшемуся в главной квартире Адодурова в г. Мариенбурге, был приставлен офицер 3-й сводной дружины «при следующем [т. е. полагающемся. – Ю. Ж., А. Р.] карауле».¹³

В марте 1814 г. Петербургское ополчение двинулось в обратный путь. Перед этим оно передало регулярным войскам почти все свое огнестрельное оружие. И только 15 знаменным рядам оно, по настоянию Адодурова, было сохранено¹⁴. Однако, при какой дружине находилось знамя или от каких дружин были выделены ратники в эти знаменные ряды – неизвестно.

12(24) июня ополчение вступило в столицу. Основная часть церемонии его встречи проходила на площади у Исаакиевского собора, и по ее завершении знамя было торжественно внесено внутрь здания. Однако уже через несколько дней Комитет Петербургского ополчения извещает Адодурова, что «хоругвь», как значится знамя в документах того периода, была «перенесена без всякой церемонии [sic!] из Исакиевской церкви в арсенал»¹⁵. Там, согласно рапорту командира арсенала генерал-майора Тимлера вице-директору Артиллерийского департамента генерал-майору И. Г. Гогелю от 5 августа, для «хоругви», при которой также имелся «чехол коженной на холстинной подкладке с медным наконешником», была «сделана... тумба и поставлена в новь выстроенном арсенале, о которой [т. е. хоругви] повеления никакого не имеетца...». В ответ Гогель 12(24) августа «рекомендует» Тимлеру «хоругвь... приказать записать при арсенале в приход и содержать ее в прежнем [слово написано поверх зачеркнутого «удобном» и читается предположительно] месте в бережении»¹⁶.

В Новом арсенале знамя простояло до 1855 г. В начале июня этого года оно было пожаловано С.-Петербургской 1-й дружине государственного подвижного ополчения, формировавшегося в связи с начавшейся Крымской (Восточной) войной. От арсенала на Литейном проспекте до Екатерингофа, где формировалась дружина, знамя торжественно нес ставший уже известным к этому времени ратник Филипп Матвеев (известность он получил тем, что в 1812 г. был в Рязанском ополчении, а в 1855 г. вновь оказался в ополчении, теперь уже в Петербургском, так как к этому времени перебрался в столицу). В апреле 1856 г. часть дружин, в том числе и 1-я, возвратилась из похода, и их знамена были помещены в церкви Св. Исаакия Далматского в Адмиралтействе, где они должны были храниться до завершения отделки Исаакиевского собора¹⁷.

Когда знамя было перенесено в Исаакиевский собор, неизвестно (очевидно, в ближайшее время по завершении в нем отделочных работ). К 1913 г. оно было уже там и располагалось на правом клиросе «без какой-либо надписи», как свидетельствует А. Миронов. Судя по сделанной, очевидно, тогда же фотографии, оно было в очень плохом состоянии¹⁸.

В том же 1913 г. возник вопрос о переносе знамени в другое место. Сначала 19 марта на заседании разряда военной археологии и археографии Императорского Русского военно-исторического общества было принято решение передать знамя 1812 г., как и четыре знамени 1855 г., на хранение в Артиллерийский музей в С.-Петербурге. Однако это решение было отменено в связи с вмешательством «Особого комитета по устройству в Москве музея 1812 года», председатель которого генерал В. Г. Глазов предложил передать знамя в Москву, поскольку «подобная реликвия великой Отечественной войны должна по справедливости занять весьма почетное место». Председатель Императорского Русского военно-исторического общества генерал Д. А. Скалон в своем отношении от 14 декабря 1913 г. на имя С.-Петербургского губернского предводителя дворянства князя И. Н. Салтыкова поддержал предложение о передаче знамени в Москву, аргументируя это тем, что нахождение знамен в церквях нежелательно, поскольку, помимо небрежного с ними обращения, они «сильно страдают от копоты и особенно влажности, появляющейся во время службы при большом скоплении народа». Однако 20 января 1914 г. С.-Петербургское дворянское

депутатское собрание не приняло это предложение, так как посчитало, что для С.-Петербурга и С.-Петербургской губернии знамя являлось священнейшей и ценнейшей реликвией¹⁹.

В июне 1914 г. на заседании Техническо-художественного совещания Исаакиевского собора обсуждался вопрос о передаче знамени в помещение Дворянского депутатского собрания. Поскольку со стороны собора препятствий не встречалось, 17 сентября 1914 г. последовало Высочайшее соизволение на передачу знамени ополчения 1812 года в помещение Дворянского собрания²⁰.

На этом основании 18 октября 1914 г. знамя 1812 г. и четыре знамени ополчения 1855 г. были перенесены в здание Петроградского дворянского депутатского собрания²¹. Впоследствии (в ноябре 1814 и в апреле 1815 г.) знамена ополчения времен Крымской войны были переданы четырем пешим дружинам Петроградского ополчения, сформировавшегося в связи с начавшейся Первой мировой войной²². Знамя ополчения 1812 г., судя по тому, что нет никаких сведений о выдаче его каким-либо воинским формированиям, по-видимому, продолжало находиться в доме Дворянского собрания, но как долго и какова была его последующая судьба – неизвестно.

---

¹ Миронов А. Знамя Петербургского ополчения 1812 года // Журнал Императорского Русского военно-исторического общества. СПб., 1913. Кн. 7–8. С. 348–351.

² М. И. Кутузов. Сборник документов. М, 1954. Т. IV, ч. I. С.16.

³ См. Ливчак Б. Ф. Принципы комплектования и правовое положение ратника в народном ополчении 1812 года // Ученые записки Свердловского юридического института. ОГИЗ; Свердловгиз, 1947. Т. 2. С. 8, 9, 28.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 189. Оп. 1. Д. 218. Л. 365 об.

⁵ Штейнгель В. И. Записки касательно составления и самого похода санктпетербургского ополчения против врагов отечества в 1812 и 1813 годах. СПб., 1814. Ч. 1. С. 237.

⁶ РГАЛИ. Ф. 442. Оп. 1. Ед. хр. 206. Л. 10.

⁷ ЦГИА СПб. Ф. 189. Оп. 1. Д. 224. Л. 24–25, 93–94.

⁸ РГАЛИ. Ф. 442. Оп. 1. Ед. хр. 206. Л. 8–9.

⁹ Штейнгель В. И. Указ. соч. С. 91.

¹⁰ ЦГИА СПб. Ф. 189. Оп. 1. Д. 224. Л. 404.

¹¹ Там же. Д. 276. Л. 15 об.

¹² Штейнгель В. И. Указ. соч. Ч. 2. С. 91.

¹³ ЦГИА СПб. Ф. 189. Оп. 1. Д. 324. Л. 67.

¹⁴ Там же. Д. 323. Л. 179–179 об.

¹⁵ Там же. Л. 36 об.

¹⁶ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. Оружейная. Д. 302. Л. 42–43.

¹⁷ Байков А. М. Воспоминания о С.-Петербургской первой дружине Государственного ополчения // Военный сборник. Т. LV. 1867. № 5. С. 120–121, 138–139.

¹⁸ Миронов А. Указ. соч. С. 348–349.

¹⁹ ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 34. Д. 615. Л. 2–3 об.

²⁰ Голованова А. В. Знамена Санкт-Петербургского ополчения в Исаакиевском соборе // Сохраненное равно приобретенному. Сб. науч. ст. / Сост. А. В. Квятковский, Е. К. Чернышева. СПб., 2012. С. 99–100.

²¹ ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 34. Д. 621. Л. 11.

²² Там же. Л. 14, 17, 43.